

Видя, что тот остался совершенно невозмутим, 96 почувствовал разочарование:

— Забудь. А я еще хотел сказать, что если побьешь рекорд, сможешь получить дополнительную премию. Но ты, судя по всему, не заинтересован.

Его слова только замолкли, как глаза Шэнь Синланя, невозмутимо чистившего зубы, внезапно блеснули, словно переливающаяся разноцветными огнями крошечная драгоценная крошка.

Выплюнув зубную пасту, он спросил:

— Сколько?

96 задумчиво прикинул:

— Зависит от того, насколько высоким будет твоё достижение по побитию рекорда. Здесь всё делится по разрангам, и с твоей нынешней скоростью ты вполне сможешь получить титул самого быстрого исполнителя. Помимо гарантированной суммы, ты, пожалуй, сможешь забрать еще сто тысяч.

Судя по выражению лица Шэнь Синланя, было трудно понять, тронули его эти сто тысяч или нет. Он лишь кивнул:

— Сойдет.

96 разглядывал его добрую половину дня:

— Почему ты так любишь деньги?

В мире Моя судьба в моих руках можно загадать самые разные желания, и после завершения каждого мира часть наград выдается. Когда Шэнь Синлань подписывал контракт, его требование было предельно простым — деньги.

96 повидал немало людей, падких на богатство и плотские утехы, и хотя он общался с Шэнь Синланем всего два дня, он мог с уверенностью сказать, что тот совсем не похож на всех, кого он встречал раньше.

По идее, вопрос был очень простым. Шэнь Синлань долго молчал — настолько долго, что 96 уже решил, будто тот забыл, о чем его спросили, и собрался повторить вопрос. Но в этот момент парень вернул зубную щетку на место, снова наклонился и погрузил лицо в воду.

Черные волосы, белая кожа, дуги бровей, ресницы, уголки глаз, переносица — всё покрылось сверкающими капельками.

С плеском Шэнь Синлань поднял голову из таза и, как ни в чем не бывало, взял полотенце, чтобы понемногу вытереться:

— Я не помню.

Разве это ответ?

96 заинтересовался Шэнь Синланем еще сильнее:

— Ты что, терял память? Болел?

— Так сильно хочешь узнать? — Шэнь Синлань легко усмехнулся и напоследок приложил полотенце к лицу.

Аккуратно сложив его и вернув на место, он приподнял веки и бросил косой взгляд из-под ресниц. Похожий на покрытый капельками воды нефрит, чистый и пронзительный, этот взгляд заставлял сердце замирать от испуга.

В следующее мгновение он произнес:

— Плюс еще сто тысяч.

96:

—

До свидания.

Когда утром он выходил из дома, старушка уже давным-давно встала и читала буддийские молитвы. За Шэнь Синланем, как и прежде, приехал Сяо Лю.

Когда он вышел за ворота усадьбы и сел в машину, служанка, которая неотлучно находилась при старушке, подбежала следом и сунула Шэнь Синланю пакет с завтраком, передавая наказ от ее имени:

— Будь осторожен по дороге в школу. Часы уже починили, в следующие несколько дней можешь возвращаться, когда захочешь.

Всего три фразы, но смысла в них было заложено необычайно много. Если выражаться прямее, старушка имела в виду, что если в эти дни что-то случится, он может выбрать возвращение сюда, а она послужит ему защитным зонтом.

Шэнь Синлань пальцами сжал край дымящегося пакета и с улыбкой кивнул служанке:

— Спасибо, бабушка.

Сяо Лю приехал тютелька в тютельку и доставил его в школу точно по расписанию. К тому моменту, как они почти приехали, Шэнь Синлань уже расправился с завтраком из пакета: говяжья лепешка в паре с шумай и теплое молоко. Он наелся так сыто, что не удержался от довольной отрыжки.

Хэ Шу и Хэ Юй учились в одном классе, а значит, сегодня им неизбежно предстояло встретиться.

За секунду до того, как переступить порог класса, Шэнь Синлань подкорректировал выражение лица, собираясь посмотреть, что за птица этот Хэ Юй, из-за которого Хэ Шу в свое время пережил столь жалкую смерть на чужбине.

Войдя в класс и окинув всех взглядом, он обнаружил, что Хэ Юя нет.

Опираясь на воспоминания, Шэнь Синлань вернулся на место Хэ Шу. В классе стоял невероятный галдеж: кто-то читал вслух, кто-то болтал, кто-то списывал домашку, а кто-то играл в телефон — самые разные звуки сливались в единый балаган.

Сосед спереди заметил возвращение Хэ Шу, повернулся и с ухмылкой спросил:

— Братец Хэ, куда вчера пропадал?

К счастью, Шэнь Синлань обладал широким кругозором и крепкой памятью, поэтому без паники выудил из воспоминаний фрагменты, касающиеся этого братишки, и безошибочно признал в нем того самого приятеля, которого вчера попросил позвонить и отпросить его с уроков.

Шэнь Синлань откинулся на спинку стула, уперся носком ботинка в пол и принялся крутить ручку, в точности изображая заядлого двоечника:

— Куда еще? Проветриться ездил.

Бросив взгляд на лежащий на парте бланк с тестом и мельком глянув на вопросы, он наугад отметил один из вариантов.

Сосед спереди, Нин Хуэй, увидев, что тот заполняет тест, опешил и лишь спустя мгновение обрел дар речи:

— Слушай, хоть для нормального человека это и тяжелый удар, но если что-то не так, ты можешь прямо сказать.

Пробежав вопросы по диагонали, Шэнь Синлань отметил еще один вариант. Заметив, что сосед смотрит на него как-то странно — в его взгляде даже читалось скрытое сочувствие — он нажал на кнопку ручки:

— М?

Нин Хуэй замялся, долго колеблясь, но в конце концов закрыл глаза и решился:

— Все говорят, что ты это видел, и скрыть уже никак не получится. Так что говори прямо: как с этим всем поступать?

Избить его или утопить в пруду — скажи хоть слово, братья уже ко всему готовы.

Шэнь Синлань: ?

Он наконец перестал крутить ручку и, осознав, что они находятся на совершенно разных волнах, неопределенно протянул:

— А, ты насчет того дела...

Нин Хуэй закатал рукава, исполненный праведного гнева:

— Сам посмотри, до чего тебя довели! Ты даже за учебу взялся! Братец Хэ, свет клином на нем сошелся, что ли, зачем убиваться по одному-единственному цветку?

У Шэнь Синлани появилось дурное предчувствие.

Практически одновременно с тем, как в его памяти всплыл первоначальный сюжет, Нин Хуэй выпалил:

— Хоть Сун Сюй и твой парень, но раз он за твоей спиной шатается по рощице с Хэ Юем, зачем тебе сдался такой кобель? Послушай меня, бросай его не раздумывая!

Шэнь Синлань уже почти забыл о существовании Сун Сюя. В его глазах Хэ Шэньюань и Хэ Цинчэн тоже были не лучше мусора, но у них хотя бы оставалось давнее прошлое, когда они неплохо относились к Хэ Шу.

Что же касается Сун Сюя, то он даже звания мусора не заслуживал.

Когда тот ухаживал за Хэ Шу, он вкладывал душу: дарил цветы, покупал кисти для рисования, являлся по первому зову — чистый и открытый. Лишь спустя год после того, как Сун Сюй развернул против Хэ Шу бурную осаду, тот наконец соизволил дать ему шанс и согласился попробовать повстречаться.

Тогда Сун Сюй был так растроган, что едва не плакал, и, сжимая его руку, срывающимся голосом клялся, что будет хорошо относиться к нему всю жизнь.

И именно этот человек спустя всего две недели после перевода Хэ Юя в их школу клюнул на удочку, стоило Хэ Юю применить лишь малейшую хитрость.

Хэ Шу не стал бы связываться с человеком, напрочь лишенным принципов, поэтому в оригинальном сюжете он тут же предложил расстаться.

Но он никак не ожидал, что безответная любовь Сун Сюя в итоге станет последней соломинкой, которая толкнет его в бездну.

Если бы мусор можно было классифицировать, то Сун Сюя можно было смело назвать истребителем среди отходов.

<http://bllate.org/book/26521/3174728>